

Ситуация развивалась совершенно неожиданно для него самого: до этого он и представить не мог, что Цзи Цинье скажет такое.

Как Ся Хуайянь мог найти что ответить?

В голове стояла абсолютная пустота, там не осталось ни единой мысли.

Он видел лишь собственное отражение в глазах Цзи Цинье — растерянное и беспомощное.

Утро в разгар лета выдалось на редкость духотливым, воздух раскалился до такой степени, что стало трудно дышать, казалось, сама жизнь застыла в неподвижности, а всё вокруг мгновенно замерло.

Солнечный свет за окном по-прежнему заливал комнату, и по мере того как тянулось время, температура неуклонно росла.

Однако стена за спиной ледяной коркой прилипала к коже, проникая холодом сквозь поры, отчего по спине бежали мурашки.

Спереди и сзади наваливалось удушающее тепло контрастных температур, и руки Ся Хуайяня слегка дрожали.

Выдав этот вопрос, Цзи Цинье замолк, и даже его дыхание стало едва слышным.

Он просто стоял перед ним, прикрыв глаза и глядя на человека, полулежащего у него на груди; тот действительно притворялся больным, но в то же время и правда болел.

Ся Хуайянь кивнул, не смея поднять взгляд на собеседника.

— Когда будешь уходить, попроси тетю Сунь вызвать тебе водителя, не иди пешком.

— Подготовить тебе отгул на утро?

Цзи Цинье, похоже, давал ему время на раздумья, поэтому он слегка ослабил хватку на запястье Ся Хуайяня, и тот без труда высвободил руку.

Но стоило Цзи Цинье произнести это, как Ся Хуайянь невольно кивнул, теряя бдительность.

Цзи Цинье лишь опустил голову, легко прижавшись лбом к его лбу:

— Если кружится голова, отдохни, а о чем поговорить — решим вечером.

Ся Хуайянь лежал с открытыми глазами, уставившись в потолок. Он отчаянно пытался снова осмыслить поступки и слова Цзи Цинье, понять, что же всё это значит, но мозг упорно защищался, уходя от ответа.

Всё это было слишком сложно переварить за один раз.

Всегда не хватало каких-то самую малу.

Перед тем как выйти из комнаты, Цзи Цинье заметил, что Ся Хуайянь уже лег обратно в постель, подошел к краю кровати и наказал:

— Обязательно поешь завтрак, не проспи.

Тело всё еще ломило от жара и слабости, и Ся Хуайянь не понимал, выздоровел он окончательно или нет.

Цзи Цинье больше ничего не стал делать. Выходя из комнаты, он прикрыл дверь так тихо, что замок щелкнул с едва слышным звуком, и во всей комнате воцарилась полная тишина.

Ся Хуайянь не до конца понимал, о чем говорит Цзи Цинье. С таким он сталкивался впервые, мозг отказывался соображать, зависнув где-то между девяноста девятью и ста процентами.

Ся Хуайянь чуть подвинулся на ту сторону, где только что лежал Цзи Цинье, и, укутавшись в оставшийся от него запах, вновь почувствовал смутное тепло и радость.

Наконец не выдержав, Ся Хуайянь обессиленно осел на пол.

— Я не понимаю, — произнес он, — мне кажется, голова немного кружится.

Затаенное дыхание Ся Хуайяня наконец вырвалось наружу.

Его лицо покраснелось до предела, а спина прижималась к холодной стене. В этот миг казалось, что весь его привычный мир перевернулся с ног на голову.

На душе было так странно.

— Мм, поспи еще немного.

Хотя еще мгновение назад он дулся сам на себя, теперь от прежней досады не осталось и следа — на душе было легко, пусть и необычно.

Цзи Цинье понимал, что тот бежит от ответа, а заодно осознавал, что поступил слишком поспешно, напугав парня так сильно, что тот спрятался в свою раковину и не желал показываться.

Ощущение чудом вернувшегося сокровища вскружило ему голову, и когда он услышал, как Ся Хуайянь без малейших колебаний рвется уйти от него, он на секунду поддался эмоциям и потерял над ними контроль.

Как же странно...

Кончик пальца коснулся губ. Они горели огнем, но в то же время казалось, что на них осталась прохлада Цзи Цинье, вызывая легкое онемение.

Он наговорил столько всего, но так и не высказал главного.

Стоя перед Цзи Цинье, он чувствовал, как у него подкашиваются ноги.

Цзи Цинье потрепал его по голове и склонился, чтобы коснуться губами уголка рта:

— Я вернусь пораньше. Если почувствуешь себя плохо, свяжись с Линь Фэном.

А вот Цзи Цинье был совсем другим. Он, казалось, прекрасно понимал, что именно хочет выразить, поэтому его слова уместились всего в пару коротких фраз.

Ся Хуайянь изначально планировал объяснить прямо сейчас и тут же после обеда уехать.

Тревожно теребя край одежды, Ся Хуайянь отчаянно пытался обрести хоть какое-то душевное равновесие.

Цзи Цинье взял одежду и направился в ванную, и в комнате снова остался только он один.

Жалкий и несчастный, он сжался в комочек в самом углу, не поднимая глаз на Цзи Цинье и никак не реагируя на его слова.

Но помимо желания сбежать, в нем росло смутное стремление докопаться до сути и понять, что же на самом деле означают эти неведомые прежде чувства.

Услышав вопрос Цзи Цинье, Ся Хуайянь покачал головой:

— Мои пары только во второй половине дня, я немного отдохну и успею.

Цзи Цинье обронил всего одну фразу, но в ней содержалось столько информации, что голова шла кругом.

Ся Хуайяню даже показалось, что над ним просто издеваются, наказывая за недавнюю болтовню и непослушание.

Стоило ему вспомнить то, что произошло пару минут назад, как в голове снова воцарялась звенящая пустота.

Отношения между ним и Цзи Цинье вроде бы изменились, а вроде бы остались прежними.

Ся Хуайянь совершенно запутался.

Цзи Цинье больше не давил на него.

И сколько еще продлится это странное состояние, было совершенно непонятно.

Болезнь было так тяжело, а в носу отчаянно першило.

Перед тем как провалиться в сон, он снова подумал: неужели так и правда можно?

В голове роился хаос из самых разных мыслей — Ся Хуайянь никогда еще не чувствовал себя настолько перегруженным.

Ближе к девяти часам Ся Хуайянь резко проснулся.

До сработавшего в девять будильника оставалось ровно две минуты. Он приподнялся с постели и пару минут неподвижно сидел, тупо глядя перед собой.

В носу защипало еще сильнее — дала о себе знать легкая простуда.

Мешкать было некогда, пришлось вставать и идти умываться, ведь впереди его ждала целая гора дел.

В гардеробной в комнате Цзи Цинье половина вешалок была занята его собственной одеждой: разные фасоны, разные цвета — всё это было куплено Цзи Цинье. Его вещи соседствовали с неброским гардеробом мужчины, образуя четкую границу между ними.

Ся Хуайянь понятия не имел, когда Цзи Цинье успел накопить столько вещей. Мужчина просто принес их и поставил перед фактом, а Ся Хуайянь лишь подумал, что его и без того скудному кошельку от этого станет только хуже.

Но что поразительно — этот человек словно знал его точный размер, каждое платье и каждый костюм сидели идеально.

Глядя на висящие неподалеку деловой костюм и рубашку Цзи Цинье, Ся Хуайянь из простого любопытства даже поймал себя на желании тайком подсмотреть, какой же у того размер.

— Ся-гэ проснулся, идите завтракать!

Когда Ся Хуайянь спустился вниз, тетя Сунь как раз заканчивала расставлять завтрак на столе.

Заметив его, она расплылась в улыбке:

— Тэ Цзи-гэ сказал, что вы собираетесь в школу, так что водитель уже ждет внизу. Давайте поедим, а потом обязательно измерим температуру.

— Ах... на самом деле не стоит так утруждаться.

Ся Хуайянь мысленно хотел возразить на каждое слово тети Сунь — например, что в школу ему вовсе не обязательно ехать с водителем, а после еды он совершенно не намерен измерять температуру.

Однако тетя Сунь не оставила ему ни единого шанса, уже успев всё устроить наилучшим образом.

— Всё это по распоряжению Тэ Цзи-гэ, — пояснила она. — Он переживает за Ся-гэ, вот и старается.

Не желая доставлять никому лишних хлопот, Ся Хуайянь в конце концов послушно прошел через все положенные процедуры.

Температура и впрямь спала, но простуда продолжала доставлять немало неприятностей.

Тетя Сунь заварила в термосе пакетик с лекарством от простуды и перед самым уходом сунула его в руку Ся Хуайяню вдобавок к маленькой баночке с зацукарованными фруктами:

— Тэ Цзи-гэ говорил, что вы не переносите горечь. Выпейте лекарство, съедите одну ягодку ююбы, и во рту сразу пройдет привкус.

Услышав это, Ся Хуайянь растерялся и какое-то время просто не знал, как реагировать. Кое-как выдавив из себя слова благодарности, он покинул дом Цзи Цинье с таким чувством, будто спасается бегством.

Водителя Ся Хуайянь искать не стал. Немного поразмыслив, он отправил Линь Фэну сообщение с просьбой передать шоферу, чтобы тот не ждал его. Время позволяло, поэтому он просто подобрал на обочине прокатный велосипед и не спеша покатил в сторону университета.

Ся Хуайянь жил не в студенческом общежитии, и почти все учебники лежали дома.

К счастью, сегодня пары проходили в информационном корпусе, так что, если вести себя потихононьку, преподаватель вряд ли заметит отсутствие учебника.

Но подумав о том, что все его вещи остались в Семье Ся, он понял, что заехать туда всё же придется, чтобы забрать свои пожитки.

Он больше не хотел жить под одной крышей с этими людьми.

Однако рассуждать было легко, а вот осуществить задуманное — совсем другое дело. После вчерашнего телефонного звонка возвращение в Семье Ся сулило ему еще большие неприятности.

Кое-как отсидев две пары, во время которых лектор большую часть материала выводил на слайды, Ся Хуайянь нащелкал побольше фотографий, рассчитывая повторить всё дома.

В понедельник пар было немного — всего утренние две, а вторая половина дня оставалась свободной. Ся Хуайянь как раз размышлял, не отправиться ли ему за вещами прямо после обеда.

Едва прозвенел звонок с конца пары и он вышел из информационного корпуса, как нос к носу столкнулся с Фэн Аньшуаном, который тоже учился здесь, и они пошли к выходу вместе.

— Что это наш отличник сегодня без книг? — поддразнил его Фэн Аньшуан. — Забыл дома спросонья?

— Ну, вроде того, — Ся Хуайянь не горел желанием развивать эту тему и поспешил перевести разговор: — Спасибо тебе за вчерашнее лекарство. Как-нибудь выберу время и угощу тебя обедом.

— Зачем откладывать на потом, если время есть прямо сейчас? В столовую? — Фэн Аньшуан широко взмахнул рукой и закинул руку на плечо Ся Хуайяню. — Пошли.

— В обед не получится, я не предупредил тетушку, что не приду домой, она наверняка уже приготовила обед, — улыбнулся Ся Хуайянь. — Давай всё-таки в другой раз, когда тебе будет удобно.

Фэн Аньшуан слегка опешил. Кое-что о домашней обстановке Ся Хуайяня он знал: человеку, которому дома живется несладко, вряд ли нужно было так трепетать перед тем, что он не предупредил прислугу — наверняка на него одного никто бы и готовить не стал.

Но озвучивать свои догадки Фэн Аньшуан не рискнул, твердо решив, что друг просто стесняется, поэтому предложил:

— Так позвони им сейчас же, делов-то! Пойдем поедим в нормальном месте, я угощаю.

— Правда, не стоит. К тому же мы договаривались, что угощаю я, почему вдруг планы меняются?

Фэн Аньшуан усмехнулся:

— Мы же с тобой такие друзья, стоит ли делить на твое и мое.

Ся Хуайянь лишь виновато опустил глаза:

— Беги давай в столовую, у тебя же во второй половине дня тоже пары.

— Ну вообще-то да...

— Мм?

— Да просто редко удается нормально пересечься, думал хоть пообедаем вместе, — пробормотал Фэн Аньшуан, но, заметив озадаченный взгляд Ся Хуайяня, тут же замахал руками: — Ладно-ладно, в другой раз так в другой раз. Я побежал, на связи!

— Угу. Наступило время перерыва между занятиями, и кампус кишмя кишел студентами.

Ся Хуайянь выбрал дорожку потише, где народу было поменьше.

Проходя мимо зеленых насаждений у пруда с карпами, он заметил свободную скамейку и присел.

Лекарство от простуды, заваренное тетей Сунь утром, он так и не выпил. Немного поколебавшись, он открутил крышку термоса, и оттуда тут же пахнуло резкой, удушливой горечью.

Нос почти не дышал, поэтому, глубоко вдохнув, он сделал большой глоток, и стоило ему снова вздохнуть, как горечь заполнила всю носоглотку.

Народная мудрость о том, что горькое лекарство полезно для здоровья, явно не имела под собой никаких оснований — детские-то сиропы всегда были сладкими.

Покопавшись в баночке, Ся Хуайянь выудил засахаренную сливу и забросил ее за щеку, и только тогда ему немного полегчало.

Яркие лучи солнца пробивались сквозь кроны деревьев, падая ему прямо под ноги, а земля источала тяжелый, почти обжигающий жар.

Стоять под палящим солнцем расхотелось, и Ся Хуайянь, опустив веки, устался на рябь воды в пруду неподалеку — солнечные блики на поверхности казались ослепительно яркими.

Журясь от света, он поднялся на ноги, собираясь дойти до автобусной остановки у ворот университета, а оттуда уже доехать до дома Цзи Цинье.

Едва он вышел за университетские ворота, как издали заметил припаркованный у обочины черный седан.

Машина показалась ему смутно знакомой, и прежде чем он успел подойти ближе, из водительского кресла выбрался Ся Сичэн и направился прямо к нему.

Следом за ним из салона вышел Ся Юньфэн — тот самый старший брат, который всегда смотрел на него как на пустое место.

Появление их обоих вдвоем не предвещало ничего хорошего, и Ся Хуайянь подсознательно ощутил давящую тревогу.

Ся Хуайянь попятился на два шага назад, инстинктивно желая спрятаться.

Ему совсем не хотелось видаться с членами Семьи Ся, особенно после вчерашнего телефонного разговора о полном разрыве отношений.

Стоило ему с утра включить телефон, как на него посыпались десятки сообщений и пропущенных вызовов от Ся Сичэна.

Ся Хуайянь действительно испугался, никак не ожидая от них такой навязчивости.

Ради достижения своих целей Ся Сичэн был готов на абсолютно любые подлости, и в этом грязном искусстве тот знал толк — Ся Хуайянь уже успел убедиться в этом на собственном опыте.

Они неумолимо приближались, и сердце Ся Хуайяня заколотилось от паники.

У ворот учебного заведения в этот час толпилось особенно много людей, и Ся Хуайянь бросился обратно на территорию кампуса, против течения толпы сталкиваясь с прохожими.

Сотни раз извинившись за спешку, он отчаянно пытался скрыться в одном из учебных корпусов, но сил после болезни отчаянно не хватало, а паника мешала соображать, и не прошло и двух секунд, как чья-то мертвая хватка сомкнулась на его запястье.

— Куда это ты собрался?

Ся Юньфэн стоял прямо за его спиной, буравя его хищным взглядом, а уголки его губ кривились в презрительной усмешке:

— Стой смирно. Мы тебя еще издадали заметили, и куда ты надеялся сбежать?

Ся Хуайянь молчал, переводя взгляд с лица Ся Юньфэна на подошедшего Ся Сичэна.

Эта сцена привлекала слишком много внимания: проходящие мимо студенты то и дело косились на них с явным злорадством.

— Ся Хуайянь, ты что, совсем не уважаешь отца? — Ся Сичэн бесцеремонно потащил его за собой к воротам. — С какой стати ты вдруг взбунтовался? А ну марш домой, нам нужно серьезно поговорить.

От крепкого захвата на запястье вспыхнула резкая боль.

— Я никуда не пойду, отпусти!

Ся Хуайянь упирался, делая пару шагов назад, и едва не привлёк внимание дежуривших у ворот охранников.

— Я больше никогда туда не вернусь! Я же четко сказал вчера: оставьте меня в покое! Какой к черту дом, это не мой дом! Верните маму...

— Плть!

Ся Сичэн с размаху влепил ему пощечину. От звонкого удара мысли в голове Ся Хуайяня мгновенно спутались.

Жгучая боль от удара смешалась с полуденным зноем, мгновенно расплзаясь по щеке.

Во рту появился отчетливый привкус крови, голова закружилась, а вокруг слышались испуганные возгласы случайных прохожих.

Кто-то из студентов побежал за охраной, но Ся Сичэн лишь презрительно фыркнул:

— Я воспитываю собственного сына, посторонним лучше не лезть не в свое дело!

— Молодой человек, здесь учебное заведение, а вы поднимаете руку на студента! Пожалуйста, выбирайте место, это уже переходит все границы.

Охранник, рослый тридцатилетний мужчина, попытался оттащить Ся Сичэна, когда тот снова попытался податься вперед.

— Если вы продолжите распускать руки, я немедленно вызову полицию, и разбираться будете в отделении!

Ся Сичэн глубоко вздохнул — казалось, доведенным до белого каления здесь был вовсе не сын. Скрипя зубами от злости, он прошипел:

— Ся Хуайянь, советую тебе по-хорошему идти за мной.

— Ты что, больше не хочешь увидеть свою драгоценную матушку целой и невредимой?

Тело Ся Хуайяня оцепенело. Подняв остекленевший взгляд, он увидел, как лица перед глазами сливаются в сплошное мутное пятно.

Его тошнило от этих дешевых угроз, но спорить было бесполезно — они всегда действовали безотказно.

Ноги подкашивались, бледное под лучами палящего солнца лицо выглядело пугающе, а на красивой щеке отчетливо алел багровый след от пощечины, и уголок разбитых губ кровоточил.

Охранник заслонил Ся Хуайяня собой и, заметив его ужасное состояние, придержал за локоть:

— Студент, вам требуется помощь?

Ся Хуайянь покачал головой, силясь выдавить слова благодарности, но челюсти словно свело.

Толпа вокруг постепенно рассасывалась, хотя любопытные взгляды по-прежнему липли к нему со всех сторон, но привычно застенчивому Ся Хуайяню было уже абсолютно всё равно.

Покорно плетясь следом за Ся Сичэном, он почувствовал, как Ся Юньфэн грубо толкает его в спину. Ослабшее тело качнулось вперед, и он едва не рухнул лицом на асфальт.

Ся Сичэн с раздражением отшатнулся, избегая столкновения, и холодно бросил:

— Не проще ли было сразу согласиться? К чему этот цирк? Я же говорил: будешь слушаться — с матерью всё будет в порядке.

— Хватит, — опутив ресницы, глухо и безжизненно отозвался Ся Хуайянь. — Ты недостойн

даже произносить ее имя.

Ся Сичэн замер на месте. В поле зрения Ся Хуайяня мелькнула тень его занесенной для удара руки.

Ся Хуайянь поднял глаза и горько усмехнулся, в его взгляде не было ни капли страха:

— Бей. Убей меня окончательно, так будет даже лучше.

В тот момент дерзкий, но абсолютно беззащитный вид Ся Хуайяня на секунду обескуражил Ся Сичэна. Тот растерялся, и занесенная рука так и замерла в воздухе — лишь бы не уронить остатки собственного достоинства и жалкой мнимой гордости.

Яростно зарычав, он выплюнул:

— Думаешь, я не посмею?

Ся Хуайянь мысленно уже приготовился к новой боли, но он предпочел бы разобраться со всем здесь и сейчас, лишь бы не возвращаться в этот проклятый «дом».

Если из-за этого пострадает мать, он был готов пойти на крайние меры и уничтожить их всех ценой собственной жизни.

Однако повторного удара не последовало — кто-то стремительно приближался сзади, и в следующий миг руку Ся Сичэна перехватил подоспевший Линь Фэн.

— Ся-гэ, вы в порядке?

Ся Хуайянь поднял глаза, тихонько мотнул головой и увидел неспешно шагающего к нему Цзи Цинье.

Глядя на него, Ся Хуайянь приоткрыл рот. Он не плакал, когда его били, не плакал, когда ему угрожали, но сейчас, увидев Цзи Цинье, почувствовал, как к горлу подступает невыносимая, горькая обида, застилая глаза влажной пеленой.

Опустив ресницы, он чувствовал, как слова застревают в горле комком, но не мог произнести ни единого звука.

<http://bllate.org/book/22055/2293391>